

Е. В. АНТОНЕЦ

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

ПОЭЗИЯ ЦИЦЕРОНА И ВЕРГИЛИЙ: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается сохранившийся фрагмент поэмы Цицерона «Марий» с точки зрения его влияния на поэтическую технику Вергилия. Выявлен ряд особенностей лексики, фразеологии, синтаксиса и метрики этой поэмы Цицерона, повторяющихся в «Энеиде». На основании анализа этих особенностей делается вывод, что Вергилий в юности знал, читал, внимательно изучал поэму Цицерона о Марии и воспроизводит некоторые ее части в «Энеиде».

Ключевые слова: Цицерон, Вергилий, поэзия, преемственность.

E. V. ANTONETZ

Lomonosov Moscow State University

THE CICERO'S POETRY AND VERGIL: ABOUT THE INHERITANCE

The Cicero's influence on Vergil is the most discussed question. In this paper some new parallels between Cicero's poem *Marius* and the *Aeneid* of Vergil have been detected. Among these parallels are metrical peculiarities and some phrases, which seem to be borrowed by Vergil from *Marius*. They prove that Vergil knew Cicero's *Marius* very well and did imitate Cicero's poetical language, metric and stylistic in the *Aeneid*.

Keywords: Cicero, Vergil, poems, influence.

Поэтические сочинения Цицерона дошли до наших дней фрагментарно в цитатах различных авторов, а многие из них известны лишь по названиям. Славу Цицерона-поэта затмила громкая слава Цицерона-оратора и блестящее дарование молодых поэтов, в частности Вергилия. Поэтому, когда говорят о поэзии Цицерона, обычно вспоминают только едкие слова Марциала:

Carmina quod scribis Musis et Apolline nullo,
laudari debes: hoc Ciceronis habes (Mart. II, 89, 3–4).

То, что ты пишешь стихи без помощи Муз с Аполлоном,
Это хвалить мы должны: сам Цицерон так писал.

(Пер. Ф. А. Петровского)

Впрочем, не следует забывать, что колкости Марциалу было не занимать, а его современник и друг Плиний Младший был вовсе не так строг. Он сам сочинил эпиграмму, где есть такие слова:

Lascivum inveni lusum Ciceronis et illo
spectandum ingenio, quo seria condidit et quo... (Plin. Ep. VII, 4, 3).

Вольную я цicerонову шутку нашел, что блистает
тем же талантом, с которым писал он серьезные вещи.

(Пер. А. И. Доватура)

Оценивая значимость поэзии Цицерона, важно учитывать и его мнение о собственных стихах, основная часть которых сохранилась в автоцитатах. Цицерон не только охотно цитировал свои поэмы, но и сопровождал их лестными комментариями: «...тебя, чьи стихи из поэмы о твоём консулате я с удовольствием выучил наизусть...» (Cic. Div. I, 17), или: «но что может быть чудеснее твоего описания ауспий в поэме о Марии...» (Cic. Div. I, 106). Всем известно трепетное отношение Цицерона ко всему, что им создано, но все же, считая свои стихи совсем негодными, он не стал бы их столь щедро цитировать.

В действительности поэтическое творчество Цицерона стало важной вехой в становлении римской поэзии — промежуточным звеном между архаической поэзией и поэзией эпохи Августа. Цицерон ввел жанр малого эпоса («Alcyones»), первым из латинских поэтов изложил историю перевоплощения («Alcyones»), стоял у истоков жанра дидактического («Aratea») и панегирического эпоса («Magius»), первым создал автобиографию в стихах («Consulatus»)¹. Серьезный вклад в разработку жанрового состава римской поэзии

¹ Подробнее см.: [Büchner, 1939, S. 1266–1267; Альбрехт, 2003, с. 590].

дополняется важным вкладом в развитие поэтического языка и в реформирование латинского гекзаметра².

Для своей эпохи Цицерон был, безусловно, одним из лучших поэтов. Известно, например, несомненное влияние поэмы Цицерона «Aratea» на поэтическую манеру Лукреция³. Эхо стихотворений Цицерона мы находим в творчестве Горация и Овидия⁴. Что касается корифея римского эпоса, Вергилия, то, по всей вероятности, в своем творчестве он в некоторой степени также ориентировался на достижения Цицерона и многое заимствовал у него [Wigodsky, 1972, p. 112–114]. Это мы и попытаемся показать ниже.

Конечно, твердо установить заимствование в римской литературе — задача весьма непростая. Всегда необходимо учитывать не дошедший до нас фонд античных текстов [Bardon, 1952, p. 13]. Даже если мы находим у более позднего и более раннего авторов буквальное совпадение, это не всегда означает, что первый копирует второго. Они оба могут воспроизводить несохранившийся архаический образец. Более всего это вероятно в такой сфере, как эпос.

Поэтому естественно, что многие черты поэтического языка Цицерона, повторяющиеся в творчестве последующих поэтов, являются общим наследием древней римской эпической традиции или имеют корни в греческой поэзии [Wigodsky, 1972, p. 109]. Но все же, сопоставляя поэтическую технику Цицерона и более поздних поэтов, можно обнаружить некоторые особенности лексики, фразеологии, синтаксиса и метрики, которые встречаются впервые именно у Цицерона и не имеют, по-видимому, образца в поэзии архаики.

² Анализ гекзаметра Цицерона см.: [Ewbank, 1933, S. 40–71; Büchner, 1939, S. 1260–1266; Traglia, 1952, p. 159–233; Courtney, 2003, p. 150–152].

³ Подробнее см.: [Büchner, 1939, S. 1242–1245; Malcovati, 1943, p. 204–207; Traglia, 1952, p. 254–264; Wigodsky, 1972, p. 109].

⁴ Во фразе Горация «et formidatam Parthis te principe Romam» (Hor. Ep. II, 1, 256) видят несомненную аллюзию на знаменитую строку Цицерона «fortunatam natam me consule Romam» из его поэмы «Consulatus» (fr. 8 Courtney). Слова Овидия «cedant carminibus reges regumque triumphi, / cedat et auriferi ripa benigna Tagi!» (Ov. Am. I, 15, 33–34) воспроизводят не менее знаменитые слова Цицерона «cedant arma togae, concedat laurea laudi» из той же его поэмы о консульстве (fr. 12 Courtney). См.: [Allen, 1956, p. 133, 141–143].

В настоящей заметке мы попробуем выявить в поэзии Вергилия черты, которые можно считать обусловленными влиянием Цицерона. Для исследования мы привлекаем не весь корпус поэтических произведений Цицерона, а только его поэму «Марий».

Поэма «Марий» дошла до нас в автоцитатах Цицерона: 14 строк из этой поэмы Цицерон приводит в трактате «De divinatione», одну строку и одну фразу — в трактате «De legibus».

О времени написания поэмы можно судить исключительно из сочинений самого Цицерона. О поэме как о законченном произведении говорится в письме к Аттику, датированном 45 г. до н. э. (Cic. Att. XII, 49, 1), а наиболее полная цитата из нее содержится в трактате «De divinatione», вышедшем после 44 г. до н. э. Кроме того, свидетельства и упоминания о поэме «Марий» находим в трактате «De legibus», над которым Цицерон работал с 52 г. до н. э. Это дает *terminus ante quem* для установления даты создания поэмы. Обычно исследователи относят ее к 57–56 гг. до н. э., объясняя это спецификой политической обстановки и положения Цицерона [Ewbank, 1933, S. 13–16; Büchner, 1939, 1255].

Возможно, после своего возвращения из ссылки в сентябре 57 г. до н. э. Цицерон наиболее явственно ощутил сходство своей жизни и судьбы Мариа: они оба родились в Арпине, были незнатного происхождения, но при этом добились высших должностей (т. е. были *homines novi*), оба сыграли важную роль в судьбе римского государства, обоим пришлось испытать изгнание. Поэтому историческая поэма о Марии могла возникнуть как отголосок личных переживаний Цицерона⁵.

Предполагают, что поэма была небольшой. В сохранившемся фрагменте речь идет о знамении, явленном Марию, когда тот находился в изгнании. Марий видит, как орел, укушенный змеей, хватает ее, терзает, уносит в когтях в небо и с высоты бросает в море; затем раздается гром, подтверждающий знамение, которое предвещало скорое возвращение полководца из ссылки.

⁵ Подробнее см.: [Büchner, 1939, S. 1253–1256]. О роли личного примера Катона Старшего и Мариа для Цицерона см.: [Gnauk, 1936].

Аналогичная сцена изображения орла, терзающего змею, один раз встречается в «Энеиде» Вергилия (Verg. Aen. XI 751–756)⁶:

Цицерон «Марий»	Вергилий «Энеида»
fr. 15. glandifera ... quercus (Cic. Leg. I, 2)	
fr. 16. nuntia fulva Iovis, miranda visa figura (Cic. Leg. I, 2)	namque volans rubra fulvus Iovis ales in aethra (Verg. Aen. XII, 247–256)
fr. 17. hic Iovis altisoni subito pinnata satelles arboris e trunco, <i>serpentis saucia</i> <i>morsu,</i> subrigit ipsa <i>feris transfigens</i> <i>unguibus anguem</i> semianimum et varia graviter cervice micantem. quem se intorquentem lanians rostraque cruentans, 5 iam satiata animos, iam duros ulta dolores, abiecit eclantem et laceratum adfligit in unda seque obitu a solis nitidos convertit ad ortus. hanc ubi praepetibus pinnis lapsuque volantem	utque volans alte raptum cum <i>fulva</i> draconem fert <i>aquila</i> implicuitque pedes atque <i>unguibus haesit,</i> saucius at serpens sinuosa volumina versat arrectisque horret squamis et sibilat ore arduus insurgens, illa haud minus urget obunco luctantem rostro, simul aethera verberat alis (Verg. Aen. XI, 751–756) Daedalus, ut fama est, fugiens Minoia regna,

⁶ В левом столбце приведены все сохранившиеся фрагменты поэмы Цицерона «Марий», в правом — те места из «Энеиды» Вергилия, которые могут быть аллюзиями на указанные пассажи Цицерона. Текст Цицерона и нумерация фрагментов приводятся в настоящей работе по изданию Э. Кёртни [Courtney, 2003, p. 174–178], текст Вергилия — по изданию Р. Майнорса: [Mynors, 1969].

conspexit Marius, divini numinis augur, 10 faustaque signa suae laudis reditusque notavit, partibus intonuit caeli Pater ipse sinistris. sic aquilae clarum firmavit Iuppiter omen. (Cic. Div. I, 106)	praepetibus pennis ausus se credere caelo (Verg. Aen. VI, 15) causa latet; <i>duri</i> magno sed amore <i>dolores</i> (Verg. Aen. V, 5)
--	--

Отметим, что сам сюжет — не редкость в литературе и засвидетельствован уже в «Илиаде»:

...Ров перейти им пылавшим, явилася вещая птица,
 Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
 Мчавший в когтях обагренного кровью огромного змея:
 Жив еще был он, крутился и брани еще не оставил;
 Взвившись назад, своего похитителя около выи
 В грудь уязвил; и, растерзанный болью, на землю добычу,
 Змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья;
 Сам же, крикнувши звучно, понесся по веянью ветра.
 (Гомер, «Илиада» XII, 200–207; пер. Н. И. Гнедича)

Бесспорно, и Цицерон, и Вергилий ориентировались на текст Гомера. Однако оба римских автора, многое заимствуя, все же отходят от прямого перевода своего авторитетного образца.

Примечательна текстуальная близость описания Цицерона и Вергилия. Одинакова последовательность событий, образность и даже объем. Орел вцепился когтями в змею: у Цицерона «*feris transfigens unguibus anguem*», у Вергилия «*implicuitque pedes et unguibus haesit*». Змея бьется и извивается: у Цицерона «*varia graviter cervice micantem / quem se intorquentem*», у Вергилия она еще шипит и щетинится: «*sinuosa volumina versat / arrectisque horret squamis et sibilat ore / arduus insurgens*». Орел клюет и терзает змею: у Цицерона «*lanians rostroque cruentans*», у Вергилия «*urget obunco / luctantem rostro*».

Смысловое отличие заключается в том, что у Цицерона орел ранен, укушен змеей, и основной акцент падает на то, что птица мстит змее за свою боль: «iam duros ulta dolores». У Вергилия же сюжет использован в сравнении, где орел несет змею просто как свою добычу. Поэтому у Цицерона *saucius* — определение птицы, а у Вергилия — жертвы. Тем не менее налицо сходство звукового оформления этого образа, выражающееся не только в аллитерации *s*, но и в буквальном повторе лексики: у Цицерона «*serpentis saucia morsu*» и у Вергилия «*saucius at serpens sinuosa volumina versat*». Фраза Вергилия выглядит, таким образом, как аллюзия на строку Цицерона.

Конечно, одного этого сходства мало для того, чтобы усматривать в нем влияние Цицерона на Вергилия. Талант обоих поэтов по-своему оформил общий сюжет. В то же время к сюжетной близости добавляется сходство метрических особенностей.

В метрике особенно отчетливо проявляется поэтическая преемственность Цицерона и Вергилия. В 15 строках поэмы «Марий» мы обнаружили как минимум 5 случаев, когда слово или выражение, употребленное Цицероном в определенной позиции стиха, встречается у Вергилия в той же позиции и при этом не находит прообраза в архаической поэзии:

arboris e trunco, serpentis saucia morsu (Cic. fr. 17, 2) — *arboris obnixus trunco, ventosque lacessit* (Verg. Georg. III, 233; Verg. Aen. XII, 105); *arboris acclinis trunco. procul aerea ramis* (Verg. Aen. X, 835);

hic Iovis altisoni subito pinnata satelles (Cic. fr. 17, 1) — *interea pavidam volitans pennata per urbem* (Verg. Aen. IX, 473);

subrigit ipsa feris transfigens unguibus anguem (Cic. fr. 17, 3) — *fert aquila implicuitque pedes atque unguibus haesit* (Verg. Aen. XI, 752); *pondere defecit praedamque ex unguibus ales* (Verg. Aen. XII, 255); *dat Salio villis onerosum atque unguibus aureis* (Verg. Aen. V, 353); *pellis obit totum praefulgens unguibus aureis* (Verg. Aen. VIII, 553; Verg. Aen. XI, 86);

conspexit Marius, divini numinis augur (Cic. fr. 17, 10) — *Musa, mihi causas memora, quo numine laeso* (Verg. Aen. I, 8); *iam caelum terramque meo sine numine, venti* (Verg. Aen. I, 133); а также Verg. Aen. I, 447; I, 674; II, 183; II, 336; II, 396; II, 703; II, 777; III, 363; III, 372; IV, 269; V, 56; VI, 50; VI, 266; VI, 386–387; VII, 119; VII, 385; VII, 584; IX, 247; IX, 661; X, 31; XI, 232; XII, 180; XII, 188;

partibus intonuit caeli pater ipse *sinistris* (Cic. fr. 17, 12) — nituntur gradibus clipeosque ad *tela sinistris* (Verg. Aen. II, 443); sive errore malo Troiae *monitisque sinistris* (Verg. Aen. X, 110).

Кроме сюжетного и метрического весьма тесное сходство отрывка из поэмы «Марий» с эпосом Вергилия обнаруживается в сфере лексики и поэтической образности. Приведем избранные примеры.

В одной из сохранившихся строк поэмы «Марий» Цицерон называет орла Юпитера *nuntia fulva Iovis* «золотистый вестник Юпитера» (Cic. fr. 16). Именно такой эпитет (*fulvus*) употребляет и Вергилий по отношению к орлу в двух местах, одно из которых — приведенное выше описание орла, несущего змею:

utque volans alte raptum cum *fulva* draconem
fert *aquila* ... (Verg. Aen. XI, 751)

Словно как бурый орел, пролетающий в небе высоком ...
(Пер. С. А. Ошерова)

Второе место следующее:

namque volans *gubra fulvus Iovis ales* in aethra (Verg. Aen. XII, 247).

В алом эфире летел орел Юпитера бурый.
(Пер. С. А. Ошерова)

Отметим, что прилагательное *fulvus* ‘красно-желтый, рыжий’ во всей латинской поэзии употребляется главным образом применительно к песку, металлу, волосам, шерсти животных, огню, грязному воздуху или земле [Glare, 1968–1982, s. v. *fulvus*]. В качестве определения орла (и птицы вообще) *fulvus* встречается только у Цицерона в поэме о Марии и у Вергилия.

Выражение *fulvus Iovis ales* у Вергилия в контексте описания той же самой картины, которую запечатлел Цицерон в поэме «Марий» (орел и змея), по-видимому, является аллюзией на *nuntia fulva Iovis*, употребленное Цицероном в другом месте той же поэмы. Отсутствие этого сочетания у более поздних эпиков можно расценивать как свидетельство того, что и в архаической поэзии не бы-

ло соответствующего образца. По всей видимости, Цицерон первым создал этот образ, а Вергилий, сочтя его удачным, повторил его в «Энеиде» под непосредственным влиянием Цицерона.

В поэме «Марий» обнаруживаем еще одно выражение, встречающееся во всей римской поэзии только у Цицерона и Вергилия, — сочетание *duri dolores*. Цицерон описывает посредством этого сочетания боль орла от укуса змеи:

iam satiata animos, iam duros ultra dolores (Cic. fr. 17, 6).

Здесь мы, по-видимому, вновь сталкиваемся с нововведением Цицерона. Слово *dolor* имеет весьма ограниченный и стандартный набор эпитетов. Обычным определением *dolores* в прозе и в поэзии бывают прилагательные, выражающие величину (*magni, graves, tanti dolores*) или принадлежность (*nostri, vestri dolores* и пр.). Образно употребляются *saevi, feri dolores*. Сочетание *durus dolor* в единственном числе встречается только два раза: у Лукреция («*durumque dolorem*», Lucr. III, 460) и у Марциала («*et durum iugules mero dolorem*», Mart. I, 106, 9).

Во множественном числе выражение *duri dolores* засвидетельствовано, кроме Цицерона, только у Вергилия и выступает обозначением тяжелой боли Дидоны, мысли о которой сжимают сердца троянцев, отплывающих от берегов Карфагена и смотрящих на пылающий им вослед страшный костер [Williams, 1960, p. 35]:

*conlucent flammis. quae tantum accenderit ignem
causa latet; duri magno sed amore dolores
polluto, notumque furens quid femina possit,
triste per augurium Teucrorum pectora ducunt* (Verg. Aen. V, 4–7).

Прямое значение прилагательного *durus* — ‘твердый’, о людях — ‘крепкий, могучий’. Применительно к *dolor* эпитет *durus* обозначает силу и продолжительность боли, в отличие от *saevus* и *ferus*, передающих эмоциональное воздействие боли. Поэтому в отношении образности выражение *duri dolores* у Цицерона, описывающее боль орла от укуса змеи, чрезвычайно близко *duri dolores* у Вергилия, выражающего этим сочетанием боль Дидоны.

Вероятно, здесь приходится признать влияние Цицерона на Вергилия, тем более что к лексическому заимствованию добавляется метрическое — слово *dolores* в обоих случаях замыкает стих. Кроме того, обращает внимание одинаковая расстановка слов, при которой прилагательное *durus* выразительно отделено от определяемого им существительного *dolor* другими словами: «*iam duros ultra dolores*» (Cic. fr. 17, 6) и «*duri magno sed amore dolores*» (Verg. Aen. V, 5).

К этим примерам можно добавить еще один, уже отмечавшийся в научной литературе. Выражение Цицерона «*praepetibus pinnis*» («счастливыми крыльями»), употребленное в «Марии», находим в «Энеиде»:

Daedalus, ut fama est, fugiens Minoa regna
praepetibus pennis ausus se credere caelo (Aen. VI, 14–15).

Сам Дедал, говорят, из Миносова царства бежавший,
Крыльям вверивший жизнь и дерзнувший в небо подняться.
(Пер. С. А. Ошерова)

Речь идет о полете Дедала, прервавшемся в том месте, куда высадился Эней и где нашел храм Аполлона, построенный Дедалом. Вергилий употребляет слово *praepes* по отношению к крыльям, которые спасли Дедала.

Слово *praepes* было техническим термином культа и в языке авгуров имело специальное значение ‘благоприятный, приносящий удачу’. Поэтому, как правило, *praepes* применяется по отношению к птицам в сочетании *praepes avis* ‘птица, несущая добрые предзнаменования’ [Солопов, 1996, с. 92–94]. У Энния *praepes* определяет, помимо слова *avis*, слова *locus*, *ferrum* и *portus* (Enn. Ann. fr. 94–95; fr. 97; fr. 437; fr. 478 Vahlen).

Вне культового языка прилагательное *praepes* означало ‘стремительно летящий’. В этом значении оно встречается и в «Энеиде»:

acer, anhelanti similis, quem *praepes* ab Ida
sublimem pedibus rapuit *Iovis armiger* uncis (Verg. Aen. V, 254–255).

Как эпитет слова *pennae* (*pinnae*) прилагательное *praepes* до Вергилия⁷ встречается только в поэме Цицерона «Марий»:

Hanc ubi praepetibus pinnis lapsuque volantem
conspexit Marius... (Cic. fr. 17, 9–10)

«как только его, летящего плавно на счастливых крыльях, заметил Марий, ...»

Можно было бы полагать, что перенос эпитета *praepes* с птицы на крылья и у Цицерона, и у Вергилия восходит к недошедшему тексту Энния. Так, в частности, считал Э. Норден, и его мнение стало общепринятым [Norden, 1934, p. 124–125, 374].

Однако М. Выгодский привел весьма убедительные аргументы против этого мнения [Wigodsky, 1972, p. 112–113]. Он отметил, что вопрос об интерпретации выражения Вергилия *praepetibus pennis* возник еще в античности. Авл Геллий специально отводит одну главу своего труда обсуждению значения слова *praepes*, где перечисляет все цитаты из Энния, содержащие это слово (Gell. VI, 7). Среди них нет *praepetibus pennis*. Известно, что Геллий внимательно штудировал Энния. Коль скоро он не упоминает Энния как прямой источник *pennis praepetibus* Вергилия, то у Энния такого выражения им найдено не было. Это означает, что авгурское слово *praepes* впервые было употреблено применительно к крыльям, а не к самой птице, Цицероном, а Вергилий заимствовал у него эту удачную метонимию.

Итак, мы видим, что в 15 строках сохранившегося отрывка из поэмы Цицерона «Марий» находится весьма много совпадений с Вергилием, причем эти совпадения прослеживаются на разных уровнях: сюжетном, метрическом, лексическом и стилистическом.

Если все эти случаи возвести к несохранившимся произведениям архаических поэтов, то получится, что Цицерон в 15 строках

⁷ Применительно к крыльям Вергилий употребляет прилагательное *praepes* (в значении ‘благоприятный’) еще раз в другом месте: «Troiuigena, interpres diuum, qui numina Phoebi, / qui tripodas Clarii et laurus, qui sidera sentis / et volucrum linguas et praepetis omina pennae» (Verg. Aen. III, 361).

своей поэмы «Марий» механически комбинировал чужие стихи. Это представляется маловероятным. Цицерон цитирует эти строки не без гордости, как свое собственное поэтическое достижение. При всем своем тщеславии Цицерон не стал бы предварять цитату словами «*quid est illo auspicio divinius, quod apud te in Mario est?*», если бы эта цитата была сплошным заимствованием. Мы знаем, что он был весьма строгим критиком своих произведений. Достаточно вспомнить бурную переписку с Аттиком по поводу трактата «*De re publica*» и волнения Цицерона об оценке трактата Варроном (Cic. Att. IV 14, 1; IV 16, 2–3; Q. fr. III 5, 1–2).

Каждая из приведенных общих для Цицерона и Вергилия черт, взятая отдельно, конечно, малопоказательна. Но все они вместе, заключенные в рамки всего 15 строк, создают весьма убедительную картину и дают основание заключить, что Вергилий знал, читал, внимательно изучал поэму Цицерона о Марии и воспроизводит некоторые ее детали в «Энеиде».

Этот вывод подтверждается и хронологически. Полагают, что поэма о Марии была написана в 57–56 гг. до н. э. Вергилию тогда было 13–14 лет. В это время слава Цицерона гремела, а его труды широко издавались и пользовались небывалой популярностью. Можно вполне уверенно допустить, что в юности Вергилий не мог пропустить выхода в свет новой поэмы известного оратора.

Приведенные в настоящем сообщении наблюдения предоставляют дополнительные аргументы к предложенному М. Выгодским пониманию известной истории, сохраненной Сервием (Serv. Ecl. 6, 11) [Wigodsky, 1972, p. 113–114]. Сервий рассказывает, что шестая эклога Вергилия, посвященная Вару, была встречена с большим энтузиазмом, и когда гетера Киферида исполнила ее в театре, Цицерон был потрясен и спросил, кто автор. Увидев Вергилия, он произнес: «*magnae spes altera Romae*». Это прозвучало «*ad suam et ad illius laudem*» — «как во славу Вергилия, так и во свою собственную». Впоследствии Вергилий будто бы использовал эти слова в «Энеиде» в строке «*et iuxta Ascanius, magnae spes altera Romae*» (Verg. Aen. XII, 168).

Слова Сервия содержат анахронизм. «Буколики» были изданы между 42 и 39 гг. до н. э. [Дуров, 2000, с. 229], т. е. уже после

смерти Цицерона. Однако эту историю можно понимать не буквально, а воспринимать ее как предание, сохранившее лишь констатацию факта преемственности между Цицероном и Вергилием, напоминающую известные строки «старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благославил». В памяти потомков мог остаться сам факт того, что Цицерон хвалил стихи Вергилия и назвал его вторым после себя поэтом; затем этот факт мог обрасти дополнительными деталями и в таком виде дойти до Сервия, а от него — до нас.

Итак, о наличии у Вергилия прямых заимствований из Цицерона можно продолжать спорить, но неоспоримой кажется преемственность двух поэтов. Тенденции, намеченные Цицероном в римской поэтической технике, были подхвачены Вергилием, отчетливо прослеживаются в его эпосе, продолжают им и доводятся до классического совершенства.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт М. фон.* История римской литературы. Т. 1. М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2003.
- Дуров В. С.* История римской литературы. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000.
- Солонов А. И.* Qua ratione aues ab auguribus sint obseruatae // Ancient Greek literature and contemporaneity. International Conference dedicated to the 125 birth anniversary of Grigil Tsereteli. Tbilisi, 1996. P. 92–94.
- Allen W.* “O fortunatam natam...” // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1956. Vol. 87. P. 130–146.
- Bardon H.* La littérature latine inconnue. T. 1 : L'Époque républicaine. Paris : Klincksieck, 1952.
- Büchner K.* Fragmente der Dichtungen Ciceros // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 2. Reihe. 13. Halbband. Stuttgart, 1939. S. 1266–1267
- Courtney E.* (ed., comm.) The Fragmentary Latin Poets. Oxford : Oxford University Press, 2003.
- Ewbank W. W.* (ed., comm.) The poems of Cicero. London : University of London Press, 1933.
- Glare P. G. W.* (ed.) Oxford Latin Dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1968–1982.
- Gnauk R.* Die Bedeutung des Marius und Cato maior für Cicero : Diss. Leipzig, 1936.

- Malcovati E. *Cicerone e la poesia*. Pavia : Tipografia del libro, 1943.
- Mynors R. A. B. (ed.) *P. Vergili Maronis opera*. Oxford : Clarendon Press, 1969.
- Norden E. (ed., comm.) *P. Vergilius Maro. Aeneis Buch VI. 3. Aufl.* Leipzig : B. G. Teubner, 1934.
- Traglia A. *La lingua di Cicerone poeta*. Bari : Adriatica editrice, 1952.
- Wigodsky M. *Vergil and early Latin poetry*. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1972.
- Williams R. D. (ed., comm.) *P. Vergili Maronis Aeneidos liber V*. Oxford : Clarendon Press, 1960.

REFERENCES

- Al'brekht M. fon. *Istoriya rimskoy literatury* [The history of Roman literature]. Vol. 1. Moscow, «Greko-latinskiy kabinet» Yu. A. Shichalina Publ., 2003.
- Durov V.S. *Istoriya rimskoy literatury* [The history of Roman literature]. Saint-Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2000.
- Solopov A.I. *Qua ratione aues ab auguribus sint obseruatae. Ancient Greek literature and contemporaneity. International Conference dedicated to the 125 birth anniversary of Grigil Tsereteli*. Tbilisi, 1996. Pp. 92–94.
- Allen W. “O fortunatam natam...”. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1956. Vol. 87. Pp. 130–146.
- Bardon H. *La littérature latine inconnue*. T. 1: L'Époque républicaine. Paris, Klincksieck, 1952.
- Büchner K. *Fragmente der Dichtungen Ciceros, Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 2. Reihe. 13. Halbband. Stuttgart, 1939. S. 1266–1267
- Courtney E. (ed., comm.) *The Fragmentary Latin Poets*. Oxford, Oxford University Press, 2003.
- Ewbank W.W. (ed., comm.) *The poems of Cicero*. London, University of London Press, 1933.
- Glare P. G. W. (ed.) *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, Clarendon Press, 1968–1982.
- Gnauk R. *Die Bedeutung des Marius und Cato maior für Cicero*. Diss. Leipzig, 1936.
- Malcovati E. *Cicerone e la poesia*. Pavia, Tipografia del libro, 1943.
- Mynors R.A.B. (ed.) *P. Vergili Maronis opera*. Oxford, Clarendon Press, 1969.
- Norden E. (ed., comm.) *P. Vergilius Maro. Aeneis Buch VI. 3. Aufl.* Leipzig, B.G. Teubner, 1934.
- Traglia A. *La lingua di Cicerone poeta*. Bari, Adriatica editrice, 1952.

Wigodsky M. *Vergil and early Latin poetry*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1972.

Williams R.D. (ed., comm.) *P. Vergili Maronis Aeneidos liber V*. Oxford, Clarendon Press, 1960.

Антонец Екатерина Владимировна

доктор филологических наук, доцент

Московского государственного университета

им. М. В. Ломоносова

E-mail: evantonetz@yandex.ru